

Жюльетта
Бенцони

Juliette Benzoni

Жюльетта
БЕНЦОНИ

Прекрасные незнакомки

Москва
2015

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Б46

Juliette Benzoni

CES BELLES INCONNUES DE LA REVOLUTION

Copyright © Perrin 2014

Перевод с французского *М. Кожевниковой,*
Е. Кожевниковой

Художественное оформление *С. Ляха*

Бенцони, Жюльетта.
Б46 Прекрасные незнакомки / Жюльетта Бенцони ; [пер. с фр. М. Кожевниковой, Е. Кожевниковой]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 320 с. — (Жюльетта Бенцони. Королева французского романа).

ISBN 978-5-699-84356-5

Красавицы времен Великой Французской революции в изображении Жюльетты Бенцони предстают перед читателями во всем великолепии. Разлуки с любимыми, изгнания, тюрьмы, гильотина — через все это проходят прекрасные незнакомки. Великая Французская революция не щадит красоту, но любви, как известно, не страшны никакие преграды!

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Кожевникова М., Кожевникова Е.,
перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-84356-5

Моему незаменимому Фредерику

Глава 1

Любовь, которой генерал де Лафайет не заслуживал

СМЕХ КОРОЛЕВЫ

В туманный вечер 22 января 1795 года улица Балле, едва освещенная тусклым фонарем, висящим на грязной веревке, натянутой между домами, выглядела зловеще и мрачно. В Париже, еще не оправившемся после революционных потрясений, плохо освещали улицы, хранящие страшные воспоминания. Эта улица, где стояла старинная тюрьма Ла Форс, была одной из них.

Неожиданно одна из дверей тюрьмы открылась, и на тротуаре появилась женская фигурка. Женщина приостановилась на пороге и сильно закашлялась. В скудном свете масляной лампы, висящей над будкой, часовой рассмотрел тонкое нежное лицо с ранними морщинками и небесной лазури глаза, обведенные си-невой, полные усталости и печали. Светлые волосы не утратили пышности, но потускнели. Женщине было лет тридцать пять, но ей можно было дать без труда на десять лет больше. Сочувствуя бедняжке, часовой хотел было посоветовать ей не задерживаться долго на про- мозглом холоде, но тут на улице появилась карета

и остановилась в нескольких шагах от них. Из кареты вышел пожилой человек и, простирая к женщине руки, торопливо направился к ней.

— Как я боялся, что не увижу вас сегодня вечером, Адриенна! — проговорил он, целуя обретшую свободу узницу.

— Формальностям не было конца. В какой-то миг мне даже почудилось, что меня не выпустят.

Госпожа де Лафайет, прежде чем сесть в карету, посмотрела в последний раз на старинное здание тюрьмы, где провела больше года и так настрадалась. Что и говорить, ей было там и страшно, и жутко, но среди теснящих ее со всех сторон ужасов больше всего леденил сердце нависающий призрак гильотины. Как она дрожала за сына, который, скорее всего, сбежал в Англию или даже в Америку! Как переживала за дочерей, оставшихся в Оверни в старинном фамильном замке Шаваньяк под присмотром старенькой тети! Как беспокоилась за мужа, заключенного в тюрьму в Австрии. Ей довелось увидеть, как поднимались на эшафот самые дорогие ей люди: мать, герцогиня де Ноай, бабушка, старенькая герцогиня д'Эйен и ее юная сестра. Сама она избежала казни. Люди Робеспьера не отважились отдать в руки палача жену де Лафайета, и ей посчастливилось продолжить свой крестный путь и после 9 термидора, когда узники времен террора обрели свободу.

Адриенна де Ноай стала Адриенной де Лафайет, выйдя замуж за человека, которому пришлось выполнить роль тюремщика короля в Тюильри. Иными словами, она оставалась подозрительной личностью для новых хозяев-временщиков. И если покидала наконец тюрьму

Ла Форс, то только благодаря вмешательству посла Соединенных Штатов и настоянию Джорджа Вашингтона.

Карета покатила по мостовой, и Адриенна нашла в себе силы улыбнуться своему пожилому родственнику, графу де Шампетьеру, который приехал забрать ее из тюрьмы. И сразу же посыпались вопросы. Дети? Девочки по-прежнему в Шаваньяке, а Жорж, ее сын, в Лондоне. Муж? Относительно мужа новости не так хороши. Он по-прежнему в заключении в австрийской крепости в Ольмюце, и после того, как он попытался бежать осенью прошлого года, за ним стали следить еще более строго. Эта попытка дорого ему обошлась: он упал с лошади, вывихнул бедро, сломал руку и в итоге его выдал крестьянин, у которого он попросил пристанища. Теперь на все просьбы об освобождении отвечают отказом...

И вот уже Адриенна забыла обо всех своих страданиях и думает только о любимом Жильбере. Она уже составила для себя план. Сначала она поедет в Шаваньяк и заберет своих девочек, а потом они все вместе отправятся в Австрию и упадут в ноги императору, моля, чтобы он вернул им супруга и отца...

Мысли Адриенны унеслись далеко-далеко, и граф де Шампетьер, слушая ее, невольно развел руками. Как могла эта изнуренная жизнью женщина сохранить свою глубокую страстную любовь, родившуюся в день ее венчания больше двадцати лет назад?

В этот день, 11 апреля 1774 года, в особняке герцогов де Ноай на улице Сент-Оноре в Париже родовитый и могущественный сеньор Жильбер дю Мотье, маркиз де Лафайет брал в жены мадемуазель Адриенну де Ноай.

Ему исполнилось семнадцать лет, ей — едва четырнадцать, они оба были знатны и богаты, и союз этот между двумя могучими семействами был в высшей степени желателен и благопристоен. Судьбе было угодно примешать к взаимным выгодам еще и сердце, и во время свадебной церемонии юная невеста, склонившись к будущему мужу, краснея, нежно прошептала:

— Отныне я навсегда ваша...

Всего несколько слов. Всего одна фраза. Но она была клятвой юного сердца и, возможно, более священной, чем формулы, повторяемые вслед за священником. Адриенна полюбила всем сердцем, всей душой, она будет любить мужа всю свою жизнь.

Между тем тот, кто пробудил к себе эту пылкую и преданную любовь, особой красотой не отличался: высокий мальчик со светло-рыжими волосами, бледной кожей, серыми, скорее тусклыми, глазами и неподвижным лицом. Он был холоден и сдержан, безусловно, застенчив и в обращении довольно неловок. Похоже, что он слишком скоро и неожиданно вырос, однако форму офицера мушкетеров носил не без элегантности. А вот что касается характера, то узнать его было очень трудно: молодой человек был замкнутым.

Вскоре после свадьбы молодые начали свою жизнь при дворе в Версале, и на эту привилегию де Лафайет, принадлежа к одному из самых старинных семейств Франции, имел право. Но его успехи при дворе были совсем незначительными. Там его считали простоватым из-за прямолинейности, с какой он с высоты своего роста позволял себе судить о событиях и людях. Не умея блистать, он заслуживал снисходительной улыбки и даже насмешки. Танцевал он тоже очень плохо. До того

плохо, что однажды, глядя, как он танцует, королева Мария-Антуанетта не могла удержаться от смеха...

Смертельная обида молодого офицера имела серьезные последствия.

Вскоре молодой офицер уехал в свой полк в Мец, и туда до него дошли первые известия о революции в Америке. Люди, которых называли инсургентами, старались сбросить ярмо Великобритании. Новости воспламенили Лафайета.

Его юная жена тем временем продолжала жить в Париже, она никогда не появлялась при дворе и жила в нескончаемом ожидании мужа, скрашенном появлением детей.

Сначала она дожидалась, когда Жильбер разлюбит прекрасную Аглаю д'Унольштейн, очаровательную южанку из Прованса, которая в то время была еще и любовницей герцога Орлеанского. Потом она дожидалась, когда супруг вернется из Америки, куда он отправился в 1776 году, задумав таким образом избежать последствий доноса на него из-за слишком вольного для офицера образа жизни. Ждала его писем и нескончаемых просьб о деньгах, так как его душа, тело и богатство отныне принадлежали инсургентам, ведь он подружился с их предводителем, великим Джорджем Вашингтоном. А после возвращения из Америки ждала завершения другой его страсти, потому что Жильбер влюбился в красавицу госпожу де Симиан...

В нескончаемом процессе ожидания возник и ослепительный прорыв — возвращение супруга из Америки. Оно стало для Адриенны незабываемым событием, потому что в этот миг она была рядом со своим героем. Франция устроила Лафайету триумфальную встречу...

Позабыв, правда, что не одна тысяча французских воинов все еще находится по другую сторону Атлантического океана. Но ведь сама Ее Величество королева проводила до кареты хрупкую маркизу де Лафайет, смущенную и краснеющую. Несколько дней весь королевский двор был у их ног. А затем Адриенна вновь стала одинока, потому что Жильбер отправился путешествовать по Европе, неся добрую весть о свободе, облаченный в строгую форму американских борцов за независимость. Жильбер де Лафайет посетил Испанию, Пруссию, Россию... Государи этих стран с унылыми улыбками принимали этого «республиканца», который взялся давать им уроки современной политики у них на дому.

Ожидание сменилось тревогой, когда открылись Генеральные штаты, и ее супруг сразу принялся толкать вперед революционную колесницу, которая впоследствии раздавит не только его семью, но и всех, кто имел врожденное благородство сочувствовать новым идеям. Лафайет встал на сторону самых яростных противников королевского режима. Он явился в Версаль вместе с толпой народа и отправился спокойно спать, в то время как мятежники угрожали жизни короля, королевы и их детей. Схваченного под Варенном беглеца-короля в Париже стерег Лафайет, запретив под страхом смерти сообщать королю, кто его тюремщик. Мало этого, Лафайет возглавил Национальную гвардию и стал главным тюремщиком королевской семьи в Тюильри... Поступки Лафайета ужасали его семью и родственников, и Адриенна молилась, чтобы судьба обошлась милостиво с человеком, которого она любила и который пожелал связаться с пособниками дьявола...

Лафайету понадобилось пережить трагедию 1792 года, разгром Тюильри, массовые убийства в сентябре месяце, чтобы у него наконец открылись глаза. Тогда вместе со своим штабом, состоящим из свободомыслящих офицеров, он двинулся к границе с Австрией и перешел ее. А в это время по всей Франции уже неистовствовал террор, и все родственники его жены были взяты под стражу. Но в Австрии Лафайета сочли опасным вольнодумцем и тоже посадили в тюрьму.

ЗАТОЧЕНИЕ В ОЛЬМЮЦЕ

Вот так обстояли дела, и, поскольку Адриенна не могла вынести мысли, что человек, которого она любит больше жизни и которому простила все, даже гибель близких на эшафоте, находится в тюрьме, то изнуренная узница тюрьмы Ла Форс преобразилась в энергичную заботливую жену. Она пробыла в Париже ровно столько, сколько понадобилось, чтобы привести себя в порядок, а потом уселась вместе с господином Шампетьером, который не пожелал оставлять ее одну в дороге, в дилижанс и отправилась в путь.

Адриенна приехала в Овернь, но и в замке Шаваньяк пробыла всего неделю, обняла свою тетю, старенькую госпожу де Шаваньяк, и приготовила для отъезда в Австрию двух своих дочек.

Если говорить откровенно, то время для того, чтобы хлопотать о муже, было неблагоприятным. Именно тогда император Франц II вел переговоры с правительством республики об освобождении дочери Людовика XVI, юной мадам Руаяль, последней оставшейся в живых из узников башни Тампль. Канцелярии императора было

вовсе не до супруги республиканца Лафайета, и ей ни за что не выдали бы паспорт. Пришлось пойти на хитрость.

Благодаря содействию Буасси д'Англа Адриенна получила паспорт в Гамбург, а в Гамбурге она незамедлительно повидала американского консула. Консулу не составило никакого труда выписать паспорт госпоже Мотье, американской гражданке, которая направлялась в Вену.

По приезде в Вену Адриенне пришлось очень долго ждать — но она ведь привыкла к ожиданию! — аудиенции у императора Франца. Только в начале октября Адриенна смогла отправиться в Шенбрунн, летнюю резиденцию австрийской императорской фамилии. Император оказался молодым человеком двадцати семи лет, и его внешность успокоила просительницу. Стройный любезный юноша блистал флорентийским изяществом, каким наделила его наполовину итальянская кровь. Не был он равнодушен и к женской красоте. И все-таки, когда госпожа де Лафайет бросилась ему в ноги, он не смог скрыть своего раздражения.

— Образ мыслей вашего супруга, мадам, подобен пушечному пороху, — сказал он ей. — Держать вашего мужа под охраной означает обеспечивать покой, и мы не торопимся отказываться от покоя. Тем более что и Франция не спешит вернуть нам дочь королевы-мученицы.

— Сир, надежный источник сообщил мне, что мой муж болен и что его держат в ужасных условиях. Такой великий человек недостоин подобной судьбы!

— Великий человек на родине, но незначительный на чужбине, и тем более в стане врагов. Именно по этой причине генерал находится под надежной охраной. Но

могу вас успокоить, с генералом хорошо обращаются и его хорошо кормят.

— Если нельзя смягчить его участь, сир, позвольте мне и моим дочерям разделить ее.

Эта идея не понравилась императору. Он постарался дать понять этой преданной супруге, что крепость — мало подходящее место для благородной дамы с юными дочерьми. Но Адриенна не желала слушать никаких доводов. Она хотела одного: быть вместе с мужем, где бы он ни был, делить с ним его судьбу, как бы она ни сложилась!

Император склонил голову, дав согласие.

Несколько дней спустя, 24 октября, Адриенна, Анастаси и Виржини подъехали к крепости Ольмюц в Моравии. Ничего идиллического они не увидели: обрывистые скалы, темные ели, старинные зубчатые стены со следами турецких приступов. Приближаясь к сумрачной крепости, маркиза при одной только мысли о том, что вскоре увидит своего Жильбера, так вдруг ослабела и могла бы лишиться чувств, если бы не поддержка Анастаси.

— Надеюсь, мамочка, вы не упадете в обморок в ту самую минуту, когда мы наконец сможем объединиться? — осведомилась молодая девушка.

По правде говоря, семейная жизнь начиналась пре-странным образом. Сначала, несмотря на письмо императора, которое вручила Адриенна, мать и дочерей обыскали, забрав все деньги и ценные вещи. Затем тюремщик сопроводил их по сырому коридору и вывел во двор. Во дворе надзиратель, который, разумеется, не знал ни слова по-французски, махнул рукой, указывая на низкую дверь с засовами и замками.